

**Из истории разработки хантыйской письменности:
среднеобской диалект как основа
литературного языка (40-50-е гг. XX в.)¹
The Middle Ob dialect as the foundation
of the Khanty literary language:
A historical analysis of materials from the 1940s-1950s**

Н. Б. Кошкарева

N. B. Koshkareva

В истории становления хантыйской письменности разные диалекты в качестве основы для литературного языка последовательно сменяли друг друга. Первые варианты письменности были разработаны на основе северных (западных) диалектов — обдорского и казымского, однако в 40–50-е гг. XX в. произошел переход на среднеобской диалект, на котором было опубликовано большое количество учебной литературы и художественных произведений — переводных и оригинальных. В статье анализируются материалы Окружной конференции по выбору литературного хантыйского языка, опубликованные в газете «Остяко-Вогульская ПРАВДА» от 29 июня 1940 г., в которых обсуждается необходимость перехода на среднеобской диалект, отмечается вклад П. К. Животикова в обоснование выбора новой диалектной основы для формирования литературного языка.

Ключевые слова: хантыйский язык, среднеобской диалект, письменность, литературный язык, П. К. Животиков

In the history of the development of writing in the Khanty language, different dialects successively replaced each other as the basis for the literary language. The initial variants of the written language

¹ Автор выражает признательность в. н. с. Института филологии СО РАН, канд. искусствоведения Галине Евлампьевне Солдаевой за предоставленные материалы.

were developed on the basis of the northern Obdorsk and Kazym dialects; however, in the 1940s-1950s the transition was made to the Middle Ob dialect, in which a large quantity of educational and fictional literature was translated and published. The present article analyzes the materials of the District Conference on the selection of the literary Khanty language, published in the newspaper «Ostyako-Vogul'skaya PRAVDA» dated June 29, 1940, which substantiates the need to switch to the Middle Ob dialect. The contribution of P. K. Zhivotikov to the justification of the choice of a new dialect basis for the formation of a literary language is noted.

Keywords: Khanty language, Middle Ob dialect, written language, literary language, P. K. Zhivotikov

DOI: 10.37892/2313-5816-2022-2-164-184

Введение

В истории хантыйской письменности диалектная база, на которой предполагалось развивать литературную форму, менялась несколько раз. Первоначально письменность разрабатывалась на основе северных (западных) диалектов — обдорского и казымского. Это было связано с деятельностью православной духовной миссии в Обдорске и Березово. Первые переводы Евангелия в XIX–XX вв., словарь священника Вологодского и первый миссионерский букварь П. Егорова были выполнены на смешанном березовско-обдорском диалекте [Hunfalvy 1869; Кошкарева 2013; Кашкин 2019а; 2019б; 2019в]. Букварь П. Егорова и «Священная история» на хантыйском языке использовались в обдорской церковно-приходской школе, учеником которой был П. Е. Хатанзеев [Ерныхова 2019: 61], автор букваря на хантыйском языке [Hatanzejev 1930], который стал первой книгой, опубликованной в рамках широкомасштабной программы по разработке письменностей для коренных малочисленных народов России и создания в 30-е гг. XX в. на основе латиницы Единого северного алфавита. В его основе лежал фонематический принцип, предполагающий максимально точное соответствие графем и фонем.

В 1932 г. казымский диалект был утвержден в качестве основы литературного (письменного) хантыйского языка решением I-й конференции по развитию языков и письменности народов Севера [Материалы... 1932], и в 30-е гг. XX в. на этом диалекте было издано несколько букварей и учебников, а также фольклорные и переводные произведения [Указатель... 1952; Издания... 2007].

В 1937 г. на VII Пленуме Всесоюзного центрального комитета нового алфавита было принято решение о переходе на русскую графику. В том же году В. Штейниц подготовил «Справочник по орфографии хантыйского языка» [Штейниц 1980], в котором предложил систему графической фиксации на основе кириллицы и слогового принципа с минимальным набором диакритики (для обозначения латерального *л* использовался апостроф *л'*). При этом ему удалось сохранить адекватное отражение фонологической системы казымского диалекта путем использования удвоенных гласных и сочетаний гласных, ограниченного использования йотированных букв для обозначения среднеязычных согласных, обозначения буквой *ы* редуцированного гласного и др. В целом был соблюден баланс между фонематическим и слоговым принципом, графическая система стала громоздкой, но адекватной набору фонем казымского диалекта. Был издан также краткий очерк грамматики казымского диалекта хантыйского языка [Штейниц 1937], который мог служить основой для грамматических разделов в школьных учебниках.

Однако впоследствии письменная традиция переориентировалась на среднеобской диалект, в послевоенные годы многотысячными тиражами было выпущено большое количество учебной и переводной литературы [Указатель... 1952; Издания... 2007].

Целью данной статьи является введение в научный оборот материалов, проливающих свет на причины перехода к среднеобскому диалекту как основе для создания литературного хантыйского языка, несмотря на глубокую и адекватную научную проработку графики и орфографии

казымского диалекта. Дается также характеристика новых для хантыйского языка принципов графики и орфографии, воспроизводящих слоговой принцип русского письма.

Среднеобской диалект занимает срединное положение между западными (северными) и восточными диалектами хантыйского языка и распространен в среднем течении Оби — от слияния Оби с Иртышом и на север вниз по течению реки примерно до с. Шеркалы. К среднеобскому диалекту относятся говоры населенных пунктов Шеркалы, Большие Леуши, Большой Атлым, Малый Атлым, Карымкары, Нарыкары и др., расположенные на территории Октябрьского (бывш. Микояновского) района Ханты-Мансийского автономного округа — Югры, центром которого в настоящее время является пгт. Октябрьское (бывш. Кондинское). Эта территория непосредственно примыкает к Ханты-Мансийску (бывшему Остяко-Вогульску) как административному центру. В настоящее время количество носителей среднеобского диалекта невелико.

Казымский диалект расположен севернее среднеобского и южнее шурышкарского и приуральского, он находится в центральной части западных (северных) диалектов. На момент создания хантыйской письменности данных о восточных диалектах было крайне мало, поэтому выбор казымского диалекта был вполне оправдан его территориальным расположением в центре западного (северного) диалектного массива, а также тем, что в с. Казым была открыта культбаза, одна из первых школ, где обучение велось на родном для учеников казымском диалекте.

Обоснование выбора среднеобского диалекта в качестве новой основы для создания литературного хантыйского языка

Переход на среднеобской диалект в качестве новой основы для литературного языка был предложен в июне 1940 г., когда в Остяко-Вогульске состоялась Окружная конференция по выбору литературного хантыйского языка.

По сути дела, она отменила постановление I-й конференции по развитию языков и письменности народов Севера: вместо казымского диалекта было предложено перейти на среднеобской диалект.

Материалы этой конференции опубликованы в газете «Остяко-Вогульская ПРАВДА» от 29 июня 1940 г. (№ 148 (1645)), которая являлась органом Остяко-Вогульского окружного и Самаровского районного комитетов ВКП(б) и Остяко-Вогульского окружного Совета депутатов трудящихся. Место издания — п. Остяко-Вогульск Омской области². Эти материалы занимают фактически половину данного выпуска и размещены на 2-й и 3-й полосах газеты, в них приводятся выдержки из выступлений участников конференции под заголовками: «За единый литературный язык», «Изучить особенности всех диалектов», «Глубоко изучить каждый диалект хантыйского языка», «За дальнейший культурный рост ханты», «За развитие национальной культуры». Эти заголовки отражают актуальные и по сей день задачи — подробное описание каждого диалекта хантыйского языка, а также представления о том, что письменная форма языка, формирование литературной традиции способствует развитию национальной культуры.

Участниками конференции были прежде всего учителя, обсуждавшие опыт преподавания хантыйского языка в школе. Надо особо подчеркнуть, что с момента публикации первого букваря прошло менее 10 лет, затем произошел переход с латиницы на кириллицу, новые буквари на кириллице вышли в свет в 1937, 1938 гг. [Зальцберг 1937; Сухотина 1938], т. е. повсеместное обучение родному языку в разных районах было организовано сравнительно недавно, буквари и учебная литература поступили в школы буквально 2–3 года назад, так что эта конференция отражает беспреце-

² https://fennougrica.kansalliskirjasto.fi/bitstream/handle/10024/91762/HMS_06_29_1940_148_1645.pdf?sequence=1&isAllowed=y. Далее в тексте данной статьи все цитаты из этого источника приводятся без повторного указания на него.

дентный опыт преподавания родного языка в школе, является оперативным откликом на выявленные проблемы.

Главная трудность состояла в том, что учебники на казымском диалекте, поступившие в школы разных районов, не подходили для обучения на местных разновидностях языка. Так, в выступлении тов. Мамарова из Ларьякского района, где распространен ваховский диалект, говорится, что изучение чужого диалекта представляет для учеников большую трудность, так как даже в названиях предметов обнаруживаются большие расхождения: 'нарта' — каз. *ухыл* / вах. *ликр*; 'что' — каз. *муй* / вах. *могули*, 'здравствуй' — каз. *вуся* / вах. *питя вола*. Он говорит о том, что учителей недостаточно, и, не зная языка местных ханты, очень трудно работать с учащимися. При этом он призывает создать единый литературный язык: «Надо выбрать на нашей конференции единый литературный язык, который бы стал достоянием широких масс трудящихся ханты нашего округа».

Тов. Калташков из Сургутского района также призывает изучить особенности всех диалектов и создать единый литературный язык: «Я владею хантыйским языком среднеобского диалекта. Работая учителем в Сургутском районе, мне пришлось перестраивать свой язык на говор сургутских ханты, это отняло у меня порядочное время. Основную вину в этом слагаю на Остяко-Вогульское педучилище потому, что нас здесь не знакомили с диалектом сургутских ханты. Единый литературный язык надо создать на базе среднеобского диалекта, но взять его не в чистом виде, так как особенности отдельных диалектов еще не изучены». Важно подчеркнуть позицию учителя, который подстраивается под диалект учеников и не пытается переучить детей, владеющих одним диалектом, под нормы другого диалекта, представленного в учебниках. Но обвинения в адрес педучилища, конечно, не обоснованы, так как на тот момент не было достаточных знаний об особенностях разных диалектов; кроме того, господствовал лозунг «Один народ — один язык», предполагавший взаимопонимание всех представителей одного и того же этноса. Это

явилось следствием «укрупнения» языков, аналогичного укрупнению населенных пунктов, что для хантыйского языка обернулось неверным исходным представлением о том, что для всех групп ханты можно использовать один диалект в качестве наддиалектной литературной формы.

Необходимость глубокого изучения всех диалектов хантыйского языка сформулирована и в выступлении тов. Зенцова из Сургутского района: «Необходимо, чтобы сейчас научные работники тщательно изучили каждый диалект хантыйского языка и взяли за основу более подходящий. Работники науки, которые будут работать над языком, должны учесть все моменты положительного в каждом диалекте хантыйского языка, и на основе глубокого изучения создать единый литературный язык». В этом выступлении звучит представление о том, что можно искусственно создать литературный язык, взяв из разных диалектов те или иные явления и механически соединив их в единое целое.

Тов. Алачев из Микояновского (ныне Октябрьского) района ратует за создание единого языка на основе среднеобского диалекта, распространенного на той территории, где он работает: «Я опровергаю мнение тех учителей, которые старались доказать, что совершенно недоступны для понимания сургутских и ларьякских ханты казымский и среднеобской диалекты. Расхождения есть, и большие, но для тех и других в основном говоры понятны. Создание нескольких письменностей будет неправильным и нецелесообразным. Необходимо создать единый хантыйский литературный язык, в основу которого положить среднеобской диалект». Эту позицию разделяет и тов. Лазарев, который считает, что нет необходимости создавать литературный хантыйский язык на нескольких диалектах, целесообразно создать его на одном для того, чтобы быстрее и дальше двинуть развитие культуры и хозяйства народов Крайнего Севера.

Переводчик Учпедгиза тов. Алачев призывает национальную интеллигенцию собирать фольклор и создавать хантыйскую литературу. При этом он предлагает взять за

основу единого литературного языка среднеобской диалект: «Просматривая слова из хантыйского языка сургутского и ларьякского диалектов, видно, что из 100 слов оказываются непонятными 25. Это указывает на связь между диалектами среднеобских, сургутских и ларьякских ханты и опровергает доводы о том, что это совершенно различные языки». Однако если четверть текста составляют незнакомые слова, то школьнику — носителю другого диалекта значительная часть содержания может остаться непонятной.

Выбор среднеобского диалекта в качестве базы для создания литературного языка тов. Алачев обосновывает следующим образом: «Среднеобской диалект, по сравнению с другими, является шире распространенным и более понятным, чем казымский». Остается неясным, как определяется степень понятности одного диалекта по отношению к другому и относительно каких диалектов определяется уровень понятности.

Переход на среднеобской диалект был инициирован, по-видимому, Павлом Кузьмичом Животиковым (1904–1970 гг.). В декабре 1933 г. по призыву Наркомпроса РСФСР в числе других студентов он был направлен на высшие педагогические курсы Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена для изучения хантыйского языка. Дипломная работа называлась «О диалектах хантыйского языка, создании литературных языков и задачах Института народов Севера в связи с этим». Летом 1934 г. он начал преподавать в Остяко-Вогульском педагогическом техникуме русский и хантыйский языки, литературу, продолжал исследования и систематизацию хантыйского языка, создал и возглавил кружок национального творчества. В августе 1936 г. П. Г. Животикова назначили преподавателем и директором северных учительских курсов при Тюменском педагогическом институте, где проходили ускоренную подготовку будущие учителя национальных хантыйских, мансийских, ненецких школ. В сентябре 1939 г. он вернулся в Остяко-Вогульск, преподавал в политпросветшколе и педагогическом училище, вошел в комиссию по созданию ли-

тературного хантыйского языка и научно-исследовательской группы при ней, создал учебники хантыйского языка для подготовительного и 1-го классов национальных школ, опубликовал «Очерк грамматики хантыйского языка» и подготовил статью «Хантыйский язык и письменность». В начале 1942 г. П. К. Животикова назначили директором Сургутской средней школы, а в июне 1942 г. призвали на фронт. После окончания войны с февраля 1946 г. до августа 1947 г. П. К. Животиков работал школьным инспектором Тюменского ОблОНО по национальным округам, в 1947–1952 гг. — инспектором отдела школ, заведующим сектором школ и заместителем заведующего отделом пропаганды и агитации Тюменского обкома ВКП(б). В 1952 г. он занимает пост директора Тобольского педагогического института, а в 1964 г. назначается ректором Ишимского педагогического института³. Третья страница газеты «Остяковогульская ПРАВДА» посвящена подробному изложению доклада тов. Животикова «Диалекты и литературный хантыйский язык». В нем перечисляются буквари и учебные пособия, изданные в 30-е гг. XX в., при этом отрицательно оценивается латиница: «Выбор латинизированного алфавита, надо сказать, был вредной затеей. Он затруднял обучение чтению и письму не только по русскому языку, но и по родному». Подчеркивается смешанный характер диалектной базы публикаций этого времени: так, букварь Е. Р. Сухотиной, вышедший в 1938 г. [Сухотина 1938], «был составлен в основном на словарном материале среднеобского диалекта. От казымского диалекта в нем был сохранен только звук “Л” и слова общие со среднеобским диалектом по произношению и написанию. До выпуска букваря вышел в свет перевод Конституции СССР. При издании этого документа огромной политической важности, естественно, появилось стремление сделать перевод понятным большинству хантыйского населения. Это привело к тому, что письменность стала выходить за рамки одного казымско-

³ https://ru.wikipedia.org/wiki/Животиков,_Павел_Кузьмич#cite_ref

го диалекта. В 1939 и 1940 годах издается ряд учебных книг и художественных переводов (Хватай-Муха, Русская, Алычев, Терешкин и др.). Согласно созданной традиции литература и учебники издавались на смешанном казымско-среднеобском диалекте.

Далее в докладе дается характеристика текущей на тот момент социолингвистической ситуации и особенностей хантыйских диалектов, отмечается, что «казымские, шурышкарские и обдорские ханты понимают друг друга сравнительно легко, т. к. фонетические, морфологические и лексические расхождения в их языке незначительны. Вполне понятно, что существующая письменность удовлетворяет потребности этой группы хантыйского населения». В докладе особо отмечается, что казымские ханты в большинстве своем не владеют русским языком, тогда как подавляющее большинство среднеобских хантов хорошо владеет русским языком. По лексическому составу и морфологическим признакам эта группа близко примыкает к северной группе диалектов, а в фонетическом отношении — к южной группе диалектов. Таким образом, среднеобская группа занимает среднее положение между северными и южными диалектами. Южные ханты, как указывает П. К. Животиков, в большинстве своем удовлетворительно владеют русским языком, а многие из них даже утратили совершенно родной язык. Между языками южных и северных ханты имеются большие расхождения. Южных ханты совершенно не удовлетворяет учебная и массово-политическая литература, которая выходит на казымском диалекте. П. К. Животиков приводит пары различающихся слов: 'корыто' — каз. *хури* / конд. *карсан*, 'деревня' — каз. *корт* / конд. *пухот*, 'лодка' — каз. *хоп* / конд. *рыт*. Он подчеркивает, что подавляющая масса сургутских ханты русским языком не владеет и существующая письменность им не подходит. Диалекты сургутских и ваховских ханты резко отличаются от диалектов казымских и среднеобских ханты во всех отношениях. На этом основании П. К. Животиков обосновывает необходи-

мость реформы: «Существующий литературный язык полностью не удовлетворяет южных и среднеобских ханты, а особенно сургутских и ваховских ханты. Все чаще раздаются требования со стороны обских и южных ханты о том, чтобы в основу литературного хантыйского языка был положен язык среднеобских ханты, который занимает промежуточное положение между северной диалектологической группой и южной. Вместе с тем нельзя не считаться с тем положением, что существующий литературный язык является могущественным средством культурного подъема для северных ханты, которые в большой своей массе не владеют русской речью. Лишать их этого могущественного средства было бы несправедливо, так как язык среднеобских ханты, хотя и близок к северной группе диалектов, но все же не полностью понятен северным ханты. В решении вопроса о выборе литературного языка должна быть особая осторожность и чуткость. Мы также должны учитывать, что существующая письменность особенно не удовлетворяет сургутских и ваховских ханты».

На конференции были предложены следующие практические решения: «создать в Остяко-Вогульске при окроно исследовательский центр, который вел бы работу под руководством НИА ИНСа, составить словарь по диалектам. Составление учебников должно быть основано на выбранном диалекте. Создать при окроно бригаду переводчиков из лучших передовых людей коренной национальной интеллигенции».

Таким образом, эта конференция закрепила переход на среднеобской диалект как основу для создания литературного хантыйского языка. Мотивацией для этого перехода послужила невозможность использования учебников, разработанных на основе западного (северного) казымского диалекта, в школах, расположенных на территории распространения восточных диалектов. Среднеобской диалект был выбран как «срединный» диалект, зани-

мающий промежуточное географическое положение между западными (северными) и восточными диалектами. При этом в анализируемой газетной публикации не отражены мнения учителей, работавших в казымских, обдорских, березовских школах. Остается неясным, насколько учебники, написанные на казымском диалекте, удовлетворяли потребности учеников соответствующих районов.

Переход от фонематического к слоговому принципу хантыйской графики

Решение об утверждении казымского диалекта как основы литературного хантыйского языка принималось на государственном уровне, в рамках всеобщей научно обоснованной программы по созданию письменностей для коренных малочисленных народов России. В ее основе лежал фонематический принцип, в соответствии с которым предпринимались попытки создать идеальную графику для разных языков, где количество графем и фонем находилось бы во взаимном соответствии и не было бы букв, не обозначающих звуков, или букв, обозначающих разные звуки или их сочетания.

Переход к среднеобскому диалекту был принят на местном уровне, принципы графики и орфографии не обсуждались. С этого момента начинается автономное развитие письменности хантыйского языка, ориентированное на максимальное сближение с русской графической традицией, в ущерб отражению на письме особенностей хантыйского языка. Был выработан новый вариант письменности, в котором не было никаких дополнительных знаков для обозначения специфических хантыйских звуков, сфера применения слогового принципа русской графики расширилась и стала охватывать не только случаи обозначения среднеязычных согласных, но и позиционное смягчение согласных, тем самым утратив фонологическую значимость.

Повсеместно отмечались трудности в освоении школьниками одновременно двух систем письменности: для русского языка — слоговой кириллической, для родных языков — фонематической на латинской основе. Видимо поэтому переход на среднеобской диалект сопровождался и сменой графической системы: произошел переход от фонематического к слоговому принципу письма, набор букв был сведен к русскому алфавиту, введены йотированные буквы, перестала использоваться диакритика для обозначения типичных для хантыйского языка звуков.

Однако и этот выбор оказался неудачным, так как различия между северными (западными) и восточными диалектами препятствуют взаимопониманию их носителей, на что указывал и сам П. Г. Животиков в своем докладе. Среднеобской диалект не мог обслуживать нужды восточных диалектов в той же самой мере, что и казымский. Замена одного западного диалекта другим западным диалектом не дала желаемого результата. Поэтому еще через 10 лет, в 1952 г. на Совещании по языкам народов Севера Н. И. Терешкин предложил создавать письменность не на одном, а на нескольких диалектах хантыйского языка, он считал целесообразным для западной диалектной группы создавать письменность на казымском диалекте, так как среднеобские ханты в достаточной степени владеют русским языком и для них обучение в школе с первого класса надо начинать только на русском языке [Терешкин 1952: 42–43]. Ю. Н. Русская, выступая в дискуссии о проблемах графики и орфографии, говорила: «Наши издания на хантыйских языках мы разделили на четыре группы, поскольку четыре группы ханты не понимают друг друга – это разные языки одной семьи» [Русская 1961: 124]. В конце 1950-х годов были опубликованы учебники и учебные пособия на двух западных диалектах (казымском [Хватай-Муха, Обатин, Аксарина 1958] и шурышкарском [Хатанзеев, Ануфриев 1958]) и двух восточных (ваховском [Терешкин 1958] и сургутском [Терешкин 1959]), при этом письменность на восточных диалектах стала развиваться на основе фонемати-

ческого принципа, а для западных — на основе слогового, заимствованного из русского языка.

С этого времени преподавание и книгопечатание развивается на четырех хантыйских идиомах. В новом перечне языков народов РФ, размещенном на сайте Института языкознания РАН и основанном на современных данных, в том числе полученных методом лексикостатистики [Коряков 2017], в рамках хантыйской группы представлено четыре самостоятельных языка — севернохантыйский, два восточнохантыйских — сургутский и вах-васюганский, а также южнохантыйский — хандэйский (вымер в начале или в середине XX в.)⁴.

Заключение

Решения Окружной конференции по выбору литературного хантыйского языка 1940-го года закрепили переход на среднеобской диалект в качестве новой основы для создания литературного хантыйского языка, они соответствовали общему направлению реформирования письменностей коренных народов РФ, которое проводилось одновременно для разных языков и реализовывало представление о необходимости сближения графики и орфографии родных языков с нормами русского языка. Возможно, в середине XX в., когда уровень владения родным языком был достаточно высок, условность письма не вызывала затруднений при чтении и письме: школьники могли догадаться, о чем идет речь, по контексту, соотнести то или иное написание с привычным звучанием. Однако в настоящее время запись, далеко отстоящая от реального произношения, препятствует эффективности обучения школьников, слабо владеющих родным языком. Если в середине XX в. в целях массового обучения грамоте необходимо было минимальными усилиями обучить читать и писать и по-русски, и на родном языке, чему могли бы способствовать единые для русского и родного языка принципы графики и

⁴ <https://jazykirf.iling-ran.ru/groups/Ob-Ugric.shtml>

орфографии, то в начале XXI в. ситуация изменилась: необходимо как можно точнее отображать на письме своеобразие звучащей хантыйской речи, поэтому фонематический принцип лучше отвечает текущим задачам школьного образования.

Выбор среднеобского диалекта в качестве основы для создания единого для всех хантыйских диалектов литературного языка был столь же неудачным, как и первоначальный выбор казымского диалекта. В начале и в середине XX в. знаний о глубине различий между западными (северными) и восточными «диалектами» было недостаточно, чтобы принять решение о развитии письменности на разных хантыйских идиомах по отдельности. Неслучайно участники конференции упрекают преподавателей педучилища в том, что им не рассказывали о междиалектных расхождениях, о них к тому времени было известно очень мало. Выбор «центрального» в географическом отношении диалекта, примыкающего к столице округа, казался логически обоснованным, однако с исчезновением южного диалектного массива разрыв между западными (северными) и восточными диалектами только углубился. Среднеобской диалект, как самый южный из западных диалектов, оказался более удаленным от приуральского и шурышкарского диалектов и менее пригодным для использования в школах самых северных районов распространения хантыйского языка. В этом отношении казымский диалект лучше отвечал задачам консолидации западных (северных) диалектов. Кроме того, территория распространения среднеобского диалекта оказалась в зоне интенсивного промышленного освоения, здесь появилось большое количество крупных населенных пунктов с пришлым населением, и количество носителей среднеобского диалекта сократилось до минимума, что еще больше способствовало изоляции западных и восточных диалектов друг от друга.

В настоящее время литературный язык наиболее активно развивается на основе казымского диалекта, однако для него сосуществуют две конкурирующие традиции:

в газете сохраняется вариант письменности, основанный на слоговом принципе, дополненный сложной, иногда двухступенчатой диакритикой, применяемой непоследовательно в публикациях разных авторов, тогда как в научных публикациях фольклора используется стандартизированный фонематический принцип. В разных сериях школьных учебников используются и слоговой, и фонематический принципы, что затрудняет формирование стабильной письменной нормы.

Решения Окружной конференции по выбору литературного хантыйского языка и до сих пор реализованы лишь частично: в 1942 г. вышел очерк грамматики среднеобского диалекта [Животиков 1942], велась активная переводческая деятельность. Но задачи, поставленные еще в 1940 г., по-прежнему остаются актуальными: несмотря на то что впоследствии были опубликованы грамматические очерки разных диалектов, отдельные, далеко не полные, словари, остается насущной задача составления большого академического словаря хантыйского языка, включающего данные по всем хантыйским идиомам, а также сравнительно-сопоставительной грамматики хантыйских диалектов («языков»). Важной является также стабилизация письменных норм для всех хантыйских идиомов, на которых в настоящее время развивается письменность, это будет способствовать эффективности обучения родному языку в школе.

Литература

Ерныхова О. Д. Деятельность Петра Ефимовича Хатанзеева в деле развития хантыйского языка и фольклористики // *История, языки и культура северных народов: Материалы всероссийской научно-практической конференции XVII Югорские чтения, посвященной 90-летию со дня рождения доктора филологических наук Евдокии Ивановны Ромбандеовой*. Ханты-Мансийск, 2019, 60–66.

Зальцберг Д. В. *Ханты букварь*. Москва–Ленинград, 1937.

Животиков П. К. *Очерк грамматики хантыйского языка: среднеобской диалект*. Ханты-Мансийск, 1942.

Издания на языках народов ханты и манси (1879–2006): библиогр. указ. Екатеринбург, 2007.

Кашкин Е. В. Памятник хантыйской письменности «Священная история»: некоторые морфологические особенности // *Предложение как единица языка и речи*: Материалы Всероссийского научного симпозиума с международным участием, посвященного 95-летию со дня рождения М. И. Черемисиной. Новосибирск, 2019а, 103–105.

Кашкин Е. В. Памятник хантыйской письменности «Священная история» (Тобольск, 1900): именная морфология // *Урало-алтайские исследования*, 2019б, 2 (33): 22–37.

Кашкин Е. В. Памятник хантыйской письменности «Священная история» (Тобольск, 1900): некоторые особенности морфологии глагола // *Урало-алтайские исследования*, 2019в., 4 (35): 91–106.

Кашкин Е. В. Хантыйский словарь священника Вологодского: особенности графической системы // *Томский журнал лингвистических и антропологических исследований*, 2020, 4 (30): 30–40.

Коряков Ю. Б. Проблема «язык или диалект» и попытка лексикостатического подхода // *Вопросы языкознания*, 2017, 6: 79–101.

Кошкарева Н. Б. Актуальные вопросы совершенствования хантыйской графики и орфографии // *Вестник угроветения*, 2013, 3 (14): 47–78.

Материалы I Всероссийской конференции по развитию языков и письменности народов Севера. Москва–Ленинград, 1932.

Советание по языкам народов Севера. Тезисы докладов. Москва–Ленинград, 1952.

Сухотина Е. Р. *Букварь для хантыйской школы*: Послебукварная часть переведена на хантыйский язык П. Я. Хамзаровым и С. Н. Себуровым. Ленинград, 1938.

Терешкин Н. И. Очередные вопросы развития литературного языка ханты // *Совещание по языкам народов Севера*. Тезисы докладов. Москва–Ленинград, 1952, 41–43.

Терешкин Н. И. *Букварь для подготовительного класса (на языке ваховских ханты)*. Ленинград, 1958.

Терешкин Н. И. *Букварь для подготовительного класса (на языке сургутских ханты)*. Ленинград, 1959.

Указатель учебно-методической литературы для школ народов Крайнего Севера за 1945–1950 гг. Сост. Е. П. Кузьмина. Москва–Ленинград, 1951.

Хатанзеев П. Е., Ануфриев В. Е. *Букварь для подготовительного класса (на языке шурьшкарских ханты)*. Ленинград, 1958.

Хватай-Муха К. Ф., Обатин А. М., Аксарина Н. М. *Букварь для подготовительного класса (на языке казымских ханты)*. Ленинград, 1958.

Штейниц В. К. Хантыйский (остяцкий) язык // *Языки и письменность народов Севера*. Ч. 1. Москва–Ленинград, 1937, 193–227.

Штейниц В. Справочник по орфографии хантыского языка // W. Steinitz. *Ostjakologische Arbeiten*. Band IV. Budapest, 1980, 63–71.

Hatanzejev P. J. *Hanti kniga. Oluŋ untltija pata* (П. Е. Хатанзеев. Хантыйская книга для первоначальной учебы. Букварь). Москва, 1930.

Hunfalvy P. *Osztják Evangelium's az éjszaki Osztják Nyelv // Nyelvtudományi Közleményék*. Budapest, 1869. Вып. 7, 403–419.

References

Ernykhova O. D. Deyatel'nost' Petra Efimovicha Khatanzeeva v dele razvitiya khantyyskogo yazyka i fol'kloristiki [Activity of Pyotr Yefimovich Khatanzeyev in the development of the Khanty language and folklore studies] // *Istoriya, yazyki i kul'tura severnykh narodov: Materialy vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii XVII Yugorskie chteniya, posvyashchennoy 90-letiyu so dnya rozhdeniya doktora filologicheskikh*

nauk Evdokii Ivanovny Rombandeevoy. Khanty-Mansiysk, 2019, 60–66. (In Russ.)

Hatanzejev P. J. *Hanti kniga. Oluŋ untltija pata* [Khanty book for primary study. Primer]. Москва, 1930.

Hunfalvy P. Osztyák Evangelium's az éjszaki Osztyák Nyelv [The Khanty Gospel in the Northern Khanty language] // *Nyelvtudományi Közleményék*. Budapest, 1869. Vyp. 7, 403–419. (In Hungarian)

Izdaniya na yazykakh narodov khanty i mansi (1879–2006): bibliogr. ukaz [Publications in the languages of the Khanty and Mansi peoples (1879–2006): bibliographic index]. Ekaterinburg, 2007. (In Russ.)

Kashkin E. V. Khantyyskiy slovar' svyashchennika Volodgodskogo: osobennosti graficheskoy sistemy [Khanty manuscript "Sacred history" (Tobolsk, 1900): some peculiarities of verbal morphology] // *Tomskiy zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy*, 2020, 4 (30): 30–40. (In Russ.)

Kashkin E. V. Pamyatnik khantyyskoy pis'mennosti «Svyashchennaya istoriya»: nekotorye morfologicheskie osobennosti ["Sacred history", A Khanty written monument: on its morphological traits] // *Predlozhenie kak edinitsa yazyka i rechi*: Materialy Vserossiyskogo nauchnogo simpoziuma s mezhdunarodnym uchastiem, posvyashchennogo 95-letiyu so dnya rozhdeniya M. I. Cheremisinoj. Novosibirsk, 2019a, 103–105. (In Russ.)

Kashkin E. V. Pamyatnik khantyyskoy pis'mennosti «Svyashchennaya istoriya» (Tobol'sk, 1900): imennaya morfologiya [Khanty manuscript "Sacred history" (Tobolsk, 1900): Some peculiarities of verbal morphology] // *Uralo-altayskie issledovaniya*, 2019b, 2 (33): 22–37. (In Russ.)

Kashkin E. V. Pamyatnik khantyyskoy pis'mennosti «Svyashchennaya istoriya» (Tobol'sk, 1900): nekotorye osobennosti morfologii glagola // *Uralo-altayskie issledovaniya*, 2019b, 4 (35): 91–106. (In Russ.)

Khatanzeev P. E., Anufriev V. E. *Bukvar' dlya podgotovitel'nogo klassa (na yazyke shuryshkarskikh khanty)* [Primer for the preparatory class (in the language of the Shuryshkar Khanty)]. Leningrad, 1958. (In Khanty)

Khvatay-Mukha K. F., Obatin A. M., Aksarina N. M. *Bukvar' dlya podgotovitel'nogo klassa (na yazyke kazymskih khanty)* [Primer for the preparatory class (in the language of the Kazym Khanty)]. Leningrad, 1958. (In Khanty)

Koryakov Yu. B. Problema «yazyk ili dialekt» i popytka leksikostaticheskogo podkhoda [Language vs. dialect: a lexicostatic approach] // *Voprosy yazykoznaniya*, 2017, 6: 79–101. (In Russ.)

Koshkareva N. B. Aktual'nye voprosy sovershenstvovaniya khantyyskoy grafiki i orfografii [Issues in the improvement of the Khanty script and orthography] // *Vestnik ugrovedeniya*, 2013, 3 (14): 47–78. (In Russ.)

Materialy I Vserossiyskoy konferentsii po razvitiyu yazykov i pis'mennosti narodov Severa [Materials of the First All-Russian Conference on the Development of Languages and Writing of the Peoples of the North]. Moskva–Leningrad, 1932. (In Russ.)

Shteynits V. K. Khantyyskiy (ostyatskiy) yazyk [Khanty (Ostyak) language] // *Yazyki i pis'mennost' narodov Severa*. Ch. 1. Moskva–Leningrad, 1937, 193–227. (In Russ.)

Shteynits V. Spravochnik po orfografii khantyyskogo yazyka [A guide to the spelling of the Khanty language] // W. Steinitz. *Ostjakologisshe Arbeiten*. Band IV. Budapest, 1980, 63–71. (In Russ.)

Soveshchanie po yazykam narodov Severa [Meeting on the languages of the peoples of the North]. Tezisy dokladov. Moskva–Leningrad, 1952. (In Russ.)

Sukhotina E. R. *Bukvar' dlya khantyyskoy shkoly* [A primer for the Khanty school]. Poslebukvarnaya chast' perevedena na khantyyskiy yazyk P. Ya. Khamzarovym i S. N. Seburomym. Leningrad, 1938. (In Russ.)

Tereshkin N. I. *Bukvar' dlya podgotovitel'nogo klassa (na yazyke vakhovskih khanty)* [Primer for the preparatory class (in the language of the Vakh Khanty)]. Leningrad, 1958. (In Russ.)

Tereshkin N. I. *Bukvar' dlya podgotovitel'nogo klassa (na yazyke surgutskikh khanty)* [Primer for the preparatory class

(in the language of the Surgut Khanty)]. Leningrad, 1959. (In Russ.)

Tereshkin N. I. *Ocherednye voprosy razvitiya literaturnogo yazyka khanty* [The next issues of the development of the Khanty literary language] // *Soveshchanie po yazykam narodov Severa*. Tezisy dokladov. Moskva–Leningrad, 1952, 41–43. (In Russ.)

Ukazatel' uchebno-metodicheskoy literatury dlya shkol narodov Kraynego Severa za 1945–1950 gg. [Index of educational and methodical literature for schools of the peoples of the Far North for 1945–1950]. Sost. E. P. Kuz'mina. Moskva–Leningrad, 1951. (In Russ.)

Zal'tsberg D. V. *Khanti bukvar'* [The Khanty Primer]. Moskva–Leningrad, 1937. (In Khanty)

Zhivotikov P. K. *Ocherk grammatiki khantyyskogo yazyka: sredneobskoy dialect* [Essay on the grammar of the Khanty language: the Middle-Ob dialect]. Khanty-Mansiysk, 1942. (In Russ.)

Кошкарева Наталья Борисовна
Институт филологии СО РАН
Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия
Koshkareva Natalya Borisovna
Institute of Philology SB RAS
Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russia
koshkar_nb@mail.ru